

ции мотылька было в ее счастливом детском характере, умевшем горячо и глубоко наслаждаться маленьками ежедневными радостями жизни и любившем видеть, как наслаждаются ими другие. Гости собирались каждый вечер. В будни бывало человек восемь, десять, пятнадцать. По воскресеньям собрания бывали гораздо многолюднее: собирались человек до шестидесяти. Обстановка приема была очень скромная и неизменно одна и та же. Гостиная освещалась яркой лампой, стоявшей на столе, и двумя стенными кэнкетами на противоположных концах; угождение состояло из очень крепкого чая с очень густыми сливками и хлеба с очень свежим маслом, из которых София Николаевна умела делать необычайно тонкие тартинки, и все гости находили, что ничего не могло быть вкуснее чая, сливок и тартинок карамзинского салона.

А.Ф. Тютчева

САЛОН Е.М. ХИТРОВО*

I

Самой оживленной, самой «эклектической», чтобы выразиться модным словом, петербургской гостиной была гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Кутузовы по рождению не принадлежали к петербургской знати, но доблестное положение, которое занял в истории России фельдмаршал, выдвинуло их на первое место. У Кутузова было пять дочерей. Самою из них известной и самою привлекательной была, разумеется, Елизавета Михайловна Хитрово. Она никогда не была красавицей, но имела сонмище поклонников, хотя молва никогда и никого не могла назвать избранником, что в те времена было

* Воспоминания графа В.А. Соллогуба. П., 1887.

большая редкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особым умом, но обладала в высшей степени светскостью, приветливостью самой изысканной и той особенной всепрощающей добротой, которая только и встречается в настоящих больших барынях. В ее салоне, кроме представителей большого света, ежедневно можно было встретить Жуковского, Пушкина, Гоголя, Нелединского-Мелецкого и двух-трех других тогдашних модных литераторов. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала следующий анекдот. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала в кровати и принимала избранных посетителей у себя в спальне; когда гость допускался к ней, то, поздоровавшись с хозяйкой, он, разумеется, намеревался сесть, г-жа Хитрово останавливалась его: «Нет, не садитесь на это кресло, это Пушкина, — говорила она — нет, не на диван — это место Жуковского; нет; не на тот стул — это стул Гоголя, — садитесь ко мне на кровать; это место всех! *Asseyez-vous sur mon lit, c'est la place de tout le monde*». У Елизаветы Михайловны были знаменитые своей красотой плечи, она по моде того времени часто их показывала и даже сильно их показывала; по этому поводу Пушкин написал следующую эпиграмму:

Лиза смолоду была
Лизой миленькой.
Лиза смолоду слыла
Лизой голенькой.
Но, увы, пора прошла.
Наша Лиза отцвела.
Не по-прежнему мила,
Но по-прежнему гола....

B.A. Соллогуб